

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2014 г., № 1

© А.В. Юдин. Рец. на: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица)*. М.: Международные отношения, 2012. 736 с.

В 2012 г. вышел в свет последний (пятый) том словаря “Славянские древности” (СД) под общей редакцией покойного ак. Н.И. Толстого (т. 1 – 1995, т. 2 – 1999, т. 3 – 2004, т. 4 – 2009). Словарь был подготовлен отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Завершение его публикации является важнейшим событием для науки о славянской народной культуре и древностях, прежде всего для этнолингвистики, фольклористики, этнографии/этнологии/антропологии исследований народного христианства. Работа над словарем началась еще три десятилетия назад. Его общую концепцию Н.И. и С.М. Толстые представили в докладе на Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г., а в 1984 г. вышел пробный выпуск словаря (ЭССД 1984). Проект был успешно окончен, несмотря на уход из жизни в 1996 г. инициатора и редактора словаря академика Никиты Ильича Толстого. Авторский коллектив возглавила Светлана Михайловна Толстая, которая довела работу до успешного конца. Состав авторов словаря, разумеется, изменялся в ходе работы над проектом. Перечислим ниже имена всех авторов вне зависимости от объема их персонального вклада. Статьи для СД писали: Т.А. Агапкина, Э.Г. Азимов, М.А. Андрюнина, Н.Е. Афанасьева, О.В. Белова, Е.Л. Березович, Е.Э. Будовская, С.П. Бушкевич, П.А. Бушуев, М.М. Валенцова, Л.Н. Виноградова, А.В. Гура, В.Е. Добровольская, А.Ф. Журавлев, Э.И. Зеленина, Г.И. Кабакова, В.Б. Колосова, Ю.А. Кривошапова, Л.С. Лаврентьева, Е.Е. Левкиевская, Г.П. Мельников, И.А. Морозов, Л.В. Мошкова, Л.Г. Невская, С.Е. Никитина, М.Р. Павлова, О.А. Пашина, В.Я. Петрухин, А.А. Плотникова, Б.Н. Путилов, К.В. Пьянкова, Л. Раденкович, О.В. Санникова, И.А. Седакова, Л.А. Софронова, А.Б. Страхов, О.А. Терновская, С.М. Толстая, Н.И. Толстой, А.Л. Топорков, В.Н. Топоров, О.В. Трефилова, А.А. Турилов, Е.С. Узенёва, В.В. Усачева, О.В. Чёха, М.В. Ясинская. Большая часть этих ученых принадлежит к основанной Н.И. Толстым московской этнолингвистической школе. Фундаментальность и объем проделанной ими работы позволили создать энциклопедическое издание, которое войдет в историю мировой славистики в одном ряду с обобщающими трудами Нидерле и Мошиньского (но, разумеется, на новом уровне). Если искать аналоги СД в европейской науке, в первую очередь вспоминается десятилетний лексикон *Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens* (Handwörterbuch 1927–1942) – огромное по объему издание, привлекающее для сравнения и славянский материал и послужившее одним из образцов для СД.

К конкретному замыслу словаря его редакторов привел опыт диалектологической экспедиционной работы, проводившейся в 1960–1970-х гг. в Белорусском Полесье. Руководил этой работой Н.И. Толстой. В ходе полевых исследований их участникам стало ясно, что для верного толкования семантики многих диалектных лексем необходимо учитывать экстралингвистический контекст: называемые ими реалии и представления, содержание обрядов и поверий, мифологическую символику, приписываемую людям, животным, растениям, предметам, моментам и периодам времени и т.п. Из этого понимания и выросла московская этнолингвистика, применившая методологические принципы структурного языкознания (в частности, диалектологии) и семиотики культуры к народной культуре в целом. Оставаясь языковедами, исследователи толстовской школы создали под именем этнолингвистики, в сущности, одну из версий лингвистической антропологии славянских традиционных культур.

На смену диалектологическим исследованиям пришла Полесская этнолингвистическая экспедиция Института славяноведения и балканистики (1974–1986), которая занялась полевым исследованием локальных культурных традиций Полесья. Ее материалы хранятся в Полесском архиве отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН и активно исполь-

Юдин Алексей Валериевич – к. филол. н., профессор русского языкознания кафедры языков и культуры Гентского университета (Гент, Бельгия); e-mail: Oleksiy.Yudin@UGent.be

зуются уже не первым поколением ученых. Одной из задач коллектива была также подготовка планировавшегося одновременно со словарем Полесского этнолингвистического атласа. Однако эта задача, к сожалению, едва ли уже может быть выполнена, прежде всего из-за разрушения этнокультурного ландшафта Полесья чернобыльской катастрофой и последовавшими за ней массовыми переселениями.

Сам словарь был задуман как словарь-указатель с элементами толково-функционального словаря, “определяющий лишь сферу функционирования и основные культурные контексты выделенных единиц” (ЭССД 1984: 10). Создание словаря “этимологического” типа, т.е. показывающего происхождение и родство культурных явлений, авторы считали невозможным из-за недостаточности исследованности славянской народной культуры. Однако задача в первом томе все же была сформулирована следующим образом: “Словарь дает представление о славянских “древностях”, т.е. тех формах и элементах средневековой славянской культуры, которые дожили до настоящего времени или недавнего прошлого и стали предметом внимания ученых с конца XVIII в. [...] Задача словаря – не просто собрать воедино и истолковать эти реликты прошлого, но по возможности воссоздать на их основе целостную традиционную “картину мира”, мировоззрение древних славян, их космологические, мифологические, естественные представления и верования, выявить содержательные категории средневековой славянской народной культуры, отраженные в ней ментальные, моральные, социальные стереотипы и ценности, ее символическую систему” (СД. Т. 1: 5). Главной целью словаря изначально мыслилось “представить семантический материал для реконструкции древнейшей системы славянской народной культуры” (ЭССД 1984: 11). Таким образом, диахронический, “этимологический” аспект не только не исключался, но был сверхзадачей на будущее. Однако Н.И. Толстой полагал правильным сначала провести “внутреннюю” реконструкцию раннесредневекового состояния славянской традиционной культуры (т.е. реконструкцию на базе исключительно славянских традиций) и лишь потом приступить к популярным в 1960–1970-е гг. широким “внешним” реконструкциям единиц и текстов древней культуры на базе сопоставления данных далекородственных традиций разных регионов мира и эпох. Концепция словаря, таким образом, имела среди прочего полемическую направленность.

СД не планировались изначально и как детальный толково-функциональный словарь. Такие словари, подробно описывающие значение и функционирование элементов культуры, авторы концепции считали целесообразным “создавать сначала на материале отдельных семантически цельных фрагментов культурной традиции” (ЭССД 1984: 11). СД были задуманы как общий указатель значимых явлений славянских народных культур и их культурной семантики. Леммами (заглавными словами) статей в пробном выпуске, как и позднее в самом словаре, стали не диалектные лексемы, а названия значимых элементов (единиц) различных “кодов” народной культуры (космогонического, растительного, энтомологического, ономастического...), выделенных на основании всего предыдущего опыта исследований (ЭССД 1984: 9).

В целом завершенное ныне издание выглядит как обширный энциклопедический словарь славянского фольклора, этнографии и народного христианства. Во многом СД приближаются к настоящей полноформатной энциклопедии, хотя для соответствия этому жанру части статей не хватает полноты охвата данных. Разумеется, ясно, что объем статей словаря был ограничен общим объемом издания и возможностями авторского коллектива. Известно также, что в ходе подготовки словаря к печати статьи приходилось существенно сокращать.

Состав и характер заглавных слов (лемм) также отличает СД от классической энциклопедии. СД – не только справочное, но и исследовательское издание. Сам состав словника СД представляет собой своего рода гипотезу, направленную на реконструкцию набора значимых элементов традиционной культуры славян. Хотя авторы избегают культурно-этимологических построений, сам словарь как целое представляет собой попытку выделения того, что было важным, ценным, значимым в средневековой народной культуре (“картине мира”), и уже в силу этого является реконструкцией некоторого ушедшего в прошлое культурного состояния.

У СД есть, тем не менее, много общего с энциклопедией фольклора и народной культуры в целом. Немало статей посвящено бытовым предметам, орудиям и инструментам (*Веревка, Заслонка, ...*), традиционным ремеслам (*Пчеловодство, Ткачество, ...*), сфере питания (*Каша, Квас, ...*), растениям и животным (*Тополь, Аист, ...*), святым, демонам, связанным со злыми силами людям, мертвецам (*Георгий, Пантелеймон, Священник, Ведьма, Мавка, Утопленник, ...*), болезням (*Зубная боль, Колтун, Чума, ...*), календарным праздникам (*Рождество, Богоявле-*

ние, ...), обрядам (*Погребальный обряд, Строительные обряды, ...*), обычаям (*“Греть покойников”*), символам (*Крест*), фольклорным жанрам (*Баллады, Былины, ...*), легендарным мотивам (*Убиение стариков*), народной книжности (*Апокрифы, Гадательные книги, ...*). Рядом с ними присутствуют и обзорные и аналитические статьи (*Духи домашние, Духи атмосферные, Народы, Святые, Ветеринария народная, Демонология народная, Топонимия народная, Эсхатология, Язычество, ...*).

Некоторые статьи словаря описывают единицы культуры, существование которых неочевидно для широкого читателя, но вытекает из методологических принципов московской этнолингвистической школы. Это, например, статьи, посвященные специфическим и особенно ритуальным действиям, понимаемым как символически важные элементы картины мира (*Бить, Втыкать, Обливать, Обходить, Прыгать, Пускать по воде, Слушать, Смотреть, ...*), а также более или менее отвлеченным понятиям (*Запах, Хромота, Ум, Пространство, Внутренний-Внешний, Первый-Последний, Полный-Пустой, Правый-Левый, Чет-Нечет, ...*) и даже направлениям движения (*Сквозь, Через, ...*).

Замысел словаря предполагал учет территориальных разновидностей народной культуры, культурного ландшафта. Члены авторского коллектива СД действительно всегда уделяли большое внимание ареальному аспекту. В идеале словарю должен был бы сопутствовать общеславянский атлас явлений народной культуры (как это задумывалось некогда для полесского материала): словарь описывал бы единицы культурных кодов, а атлас представлял их территориальное распространение и вариативность. Но подготовить эквивалентный словарю атлас было, разумеется, не по силам авторам – такая работа потребовала бы многолетнего труда большого международного коллектива. Для сравнения можно вспомнить продолжающуюся уже более полувека во всех славянских странах работу над Общеславянским лингвистическим атласом: по масштабу и трудоемкости это сопоставимый проект. Потому к словарю (первому его тому) приложено всего лишь несколько общих карт диалектных и исторических (этно-) культурных зон славянских стран, и еще несколько карт находится при отдельных статьях (СД. Т. 5: 209).

Достоинства СД несомненны. Это монументальное издание высшего научного уровня, значение которого для изучения славянских народных культур трудно переоценить. Выскажем, тем не менее, и некоторые критические замечания. При чтении словаря бросается в глаза методологическое балансирование между принципиальным для московской этнолингвистики вниманием к локальному, к местным культурным традициям, понимаемым как единое целое, и общеславянской перспективой словаря, предполагающей взгляд “с птичьего полета”. Следствием такого взгляда оказывается фрагментарность, пунктирность, иногда неполнота данных, но, главное – неясный онтологический статус самого предмета исследования. Описать в общем словаре-указателе локальные варианты культуры как единые целостные системы по понятным причинам невозможно. Это дело целого цикла упомянутых выше толково-функциональных словарей. С другой стороны, “славянской народной культуры” как единого целого не существует. Она представляет собой совокупность родственных, но, в случае, например католических и православных славян, существенно отличающихся культур. Нет и не было, несмотря на всевозможные идеологические построения в прошлом, и общеславянской идентичности. В сущности, “славянскость” как идея базируется прежде всего на родстве языков славянской группы, хотя народы и культуры, пользующиеся этими языками, существенно отличаются. Таким образом, предмет СД является своего рода научным конструктом, а встречающиеся в словаре выражения вроде “в народной культуре” (без спецификации, подразумевается, в славянской) едва ли методологически корректны: “славяне” – это даже не “выдуманное сообщество”, потому что их не удалось таким сообществом сделать.

Конечно, учитывая, что словарь должен был среди прочего представить материал для реконструкции раннесредневекового культурного состояния, его общеславянский охват логичен. Но для нужд изучения доступных науке последних трех веков народных культур не менее логичным и естественным было бы привлечение, хотя бы эпизодическое, данных румынской, венгерской, византийской и новогреческой, турецкой, немецкой и других культур, непосредственно контактировавших со славянскими. Отсутствие инославянских сопоставлений вытекает из концепции СД, но не принадлежит, по нашему мнению, к сильным сторонам словаря, тем более что сам Н.И. Толстой в своей концепции “троеверия” указывал на важность элементов антично-византийской народно-христианской культуры, воспринятой восточными и южными славянами. Ср., однако, краткость написанной самим Н.И. Толстым статьи *Амулет*, где нет ни

слова о византийско-средиземноморском происхождении и параллелях средневековых амулетов православных славян. Об амулетах также говорится в статье Е.Е. Левкиевской *Оберег*, но и там ничего не сказано о неславянских аналогах, а, например, “змеевники”, прямая связь которых с антично-византийской традицией очевидна, даже не упоминаются.

Впрочем, если внешнее влияние на славянскую культуру очевидно, СД все же обращаются к сопоставлению с соседними неславянскими традициями. Примером может служить статья *Перхта* (СД. Т. 4: 18–20), где описан мифологический персонаж, известный только славянам, испытавшим немецкое влияние, и восходящий к германской Берте (Перакте, Перхте). Однако такие параллели в словаре скорее спорадичны. С другой стороны, ясно, что учет сопоставительного материала еще более затруднил бы и без того огромную работу над словарем и уменьшил бы его надежность: авторы статей СД, как правило, работают только с теми традициями, языками которых они владеют.

Разумеется, любое большое собрание материалов, даже энциклопедическое, будет неизбежно неполным. В СД, однако, остается неясным, почему одни этнографические и фольклорные данные в статьи включены, а другие обойдены молчанием, почему в текстах некоторых статей одни культуры доминируют, а другие только упоминаются. Встречаются даже статьи, написанные на материале только одной (русской) традиции. Несмотря на упомянутое внимание к ареальному аспекту, даже приблизительные территориальные указатели присутствуют в словаре не всегда. Иногда дается только указание на этническую принадлежность факта (укр., рус., серб., болг., ... напр., СД. Т. 1: 447–448).

Однако наиболее странным недостатком словаря является непоследовательность в использовании ссылок на источники в текстах статей. Точные ссылки в словаре присутствуют скорее спорадически, причем у одних авторов их в среднем больше, чем у других, а в пятом томе словаря значительно больше, чем в первом. При одних приводимых данных они есть, при других – нет. Частое отсутствие ссылок делает словарь в известной степени неконтролируемым. Учитывая безукоризненную научную репутацию членов авторского коллектива и высочайший уровень их научной квалификации, достоверность и качество материалов словаря не вызывают сомнений, но, тем не менее, пользование им в научных целях затруднено. В сущности, чтобы использовать материалы словаря в научной работе, требуется заново отыскать нужные данные в источниках пристатейного списка (которых обычно немало и которые далеко не всегда легко доступны), поскольку зачастую неизвестно, в каком именно источнике и на какой странице опубликованы эти данные. Сам словарь в таком случае оказывается лишь общим тематико-библиографическим указателем, хотя авторы работали с первичными источниками и вполне могли бы дать полный справочный аппарат. Недостаток ссылок роднит СД с популярными массовыми словарями народной культуры, тогда как его задачи и уровень сложности письма все же иные. Несмотря на указанные недостатки, рецензируемый словарь будет чрезвычайно полезен славистам самых разных специальностей. Он содержит огромное количество информации, причем обычно проверенной, надежной и нередко труднодоступной в прошлом. Его окончание – большое событие не только для ученых-профессионалов, но и для широкого круга преподавателей фольклора, этнографии и народоведения, студентов и аспирантов и просто для всех, интересующихся народной культурой, мифологией, фольклором славян. Его значение не только как справочного, но и как образцового научного издания трудно переоценить. Он задает высокую научную планку, что особенно важно на фоне публикации в последние десятилетия множества достаточно низкопробных или просто фантастических книг о славянской мифологии и народной культуре. Потому в заключение хочется пожелать СД исправленного и дополненного переиздания. Оно наверняка будет пользоваться спросом, учитывая, что со времени публикации первого тома прошло 18 лет. Желательна была бы также электронная версия словаря в виде базы данных с различными возможностями поиска и точными ссылками на источники материалов.

Литература

- ЭССД 1984 – Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1984.
Handwörterbuch 1927–1942 – Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens [Настольный словарь немецких народных поверий] / Red. Eduard Hoffmann-Krayer, Hanns Bächtold-Stäubli. Berlin; Leipzig, 1927–1942.